

От редакции

На сегодня у юридического сообщества уже не возникает сомнений, что цифровизация — фактор, который неизменно определяет повестку законодателей, судебных органов и правоведов, с чем приходится считаться даже «цифровым скептикам». Редакция журнала «Цифровое право» (Digital Law Journal) поговорила о политике законодателя в области гражданского (и не только) права с Антоном Александровичем Ивановым.

Иванов Антон Александрович — заслуженный юрист РФ, отмечен орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени, председатель Высшего Арбитражного Суда РФ в отставке, ординарный профессор, научный руководитель факультета права, член Ученого совета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». С 1991 по 1995 г. работал ведущим редактором журнала «Правоведение». В период с 1999 по 2003 г. после окончания аспирантуры занимал должность доцента кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета. С 2004 г. и до избрания председателем Высшего Арбитражного Суда РФ в январе 2005 г. курировал вопросы корпоративного строительства и права в должности первого заместителя генерального директора ОАО «Газпром-Медиа».

ИНТЕРВЬЮ

ИСКУССТВО ДОБРА И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

А.А. Иванов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
109028, Россия, Москва, Большой Трёхсвятительский пер., 3

Ключевые слова

цифровое право, интернет-право, NFT, цифровизация, механизация права

Для цитирования

Иванов, А. А. (2023). Искусство добра и справедливости в цифровую эпоху. *Цифровое право*, 4(1), 12–27. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-1-12-27>

– Антон Александрович, какие направления исследований в области цифрового права, по Вашему мнению, являются наиболее перспективными сегодня?

– Впервые я вышел в Интернет в 1995 г., с тех пор видел разные стадии развития цифровой среды. Думаю, можно начать с самых общих вопросов. Некоторое время назад в литературе обсуждался вопрос о том, что вскоре наступит Эпоха *Web 3.0*¹, теперь же можно вести дискуссии об Эпохе *Web 4.0*. Разумеется, право не является флагом развития этих отношений, а лишь следует за соответствующими изменениями.

Эпоха *Web 3.0* подразумевала существование имущественных отношений в Сети, которые подлежат доведению до автоматизма [посредством технологии блокчейн]. Однако искомого автоматизма достичь не удалось. Как бы мы ни понимали технологию блокчейн, сетевой автоматизм сам по себе, а реальные имущественные отношения [складываются] сами по себе. Они в некоторой степени разделились на две части. С одной стороны, есть цифровая среда, в которой все происходит достаточно быстро, заключаются и исполняются договоры, с другой — эти явления не оказывают влияния на основные параметры имущественных отношений. Это своего рода игра за пределами обычной жизни. Как только предпринимаются попытки реально перенести имущественные отношения в цифровой формат, то против выступают как государство, так и крупные частные компании.

¹ Концепция, ориентированная на развитие интернет-технологий, сформулированная руководителем *Netscape.com* Джейсоном Калаканисом (англ.: *Jason Calacanis*) в продолжение концепции *Web 2.0* Тима О'Райли. Ее суть в том, что *Web 2.0* (являющаяся, в свою очередь, переосмыслением *Web 1.0*) подразумевает обеспечение понимания информации в *Web* в первую очередь человеком, а *Web 3.0* обеспечит взаимодействие и понимание данных в *Web* компьютерными системами.

Возьмем, например, эволюцию криптовалюты в зарубежных странах. В США запрещают то одну цифровую валюту, то другую, выявить какую-либо логику в подобных запретах довольно сложно, поскольку то, что разрешено, не менее рискованно, чем то, что запрещается. И, вероятно, государство здесь действует по принципу: «Это мерзавец, но он наш мерзавец».

В России и вовсе криптовалюта рассматривается государством, как мне кажется, в качестве враждебного элемента. Мы полностью игнорируем перевод имущественных отношений в особую, виртуальную среду, ведь её нельзя контролировать. Это, в свою очередь, стимулирует субъектов уходить с российского рынка. Выходит, что лица физически находятся в нашей стране, а бизнес ведут за рубежом. Этот разрыв еще не преодолен. *Одним из перспективных направлений является как раз осмысление перевода имущественных отношений в цифровую среду.*

Отмечу, что те изменения, которые были внесены в ГК РФ [речь идет о ст. 141.1 ГК РФ] на меня не произвели никакого впечатления. На мой взгляд, они носят проходной характер и ничего адекватного не дадут.

В то же время государство стремится перенести в цифровую среду многие свои функции. Причем это желание прямо пропорционально тому, удастся ли ограничить свободу выбора конкретных лиц или нет. Иными словами, если такую свободу ограничить можно, то это великолепный вариант цифровизации. Напротив, если появляется некоторая возможность выбора в результате цифровизации, то государству становится неинтересно. Поэтому в настоящее время переводятся в «цифру» реестры. Но цель у этих процессов, как я уже отметил, ограничить свободу выбора субъектов. Следовательно, *вторым перспективным направлением представляется исследование государственных функций в цифровой среде.*

Третий аспект — *это проблема сегментации Всемирной сети*, поскольку разные страны в последнее время пытаются ее разделить на отдельные куски. Тем не менее понятно, что она может эффективно развиваться лишь в качестве единой Сети. Разделение на национальные сегменты, кроме того, что снижает технические возможности конкретных стран, также замедляет развитие Сети в целом. Допустим, принимаются разные меры по суверенизации Интернета, в результате это приводит к снижению скорости, отсутствию некоторых новых технических и программных средств. Как мне кажется, проблема сегментации Всемирной сети также нуждается в научном осмыслении.

– Меняется ли, на Ваш взгляд, роль государства в цифровую эпоху? Означает ли новая информационная революция переход к идеологии “laissez faire” или же следует ожидать становления тотального государственного контроля?

– Дело в том, что существуют разные методы государственного управления. Одни состоят в том, чтобы предоставлять максимальную свободу лицам. Последние, в свою очередь, быстро развиваются, начинают доминировать, и нам не надо их принуждать, поскольку, доминируя и относясь к конкретной юрисдикции в той или иной мере, они никуда не исчезают и, наоборот, только укрепляют господство государства. Я имею в виду, разумеется, американский метод.

Есть метод западноевропейских стран, которые, напротив, ограничивают развитие интернет-гигантов, главным образом американских. Для этих целей используется концепция прав человека: надо защищать персональные данные, право на неприкосновенность частной жизни и т.д.

Стоит отметить также китайский вариант регулирования Сети. Вроде бы Китаю и удалось создать интернет-гигантов, но только на своем рынке, которые они закрыли, исключение

составляет, пожалуй, лишь *TikTok*. И то, посмотрите, какие препятствия встречает *TikTok* при продвижении его на американском рынке!

Как мне кажется, Россия исповедует китайский подход, поскольку у нас тоже существуют интернет-гиганты, деятельность которых преимущественно сосредоточена на национальном рынке.

Пока сохраняются национальные государства, продолжают существовать разные подходы к управлению Сетью. Вопрос в том, удастся ли обеспечить рост цифрового сектора в таких условиях? У меня нет уверенности. Я думаю, что довольно долго будет господствовать состояние неопределенности.

По моему мнению, радикальные преобразования произойдут благодаря созданию моментального универсального переводчика, который позволит полностью преодолеть языковые барьеры. На настоящий момент такого переводчика нет, но перспективы его появления есть, особенно в связи с прогрессом в сфере искусственного интеллекта. Представим себе ситуацию, когда каждый из нас может общаться с любым человеком без каких-либо затруднений. Это будет новая реальность, которая наступит очень скоро. Именно в этом я вижу Эпоху *Web 4.0*. Ведь мысли, идеи, мнения начнут обращаться совершенно свободно между всеми людьми. Что в таком случае будут делать национальные государства, которые в какой-то мере на языковом барьере строят свою политику? Изменится также образование: если вас хорошо переводят, зачем учить иностранные языки? В целом остается много вопросов, ответы на которые необходимо будет найти в ближайшее время.

– Как, по Вашему мнению, соотносятся правовые режимы классических видов результатов интеллектуальной деятельности и *non-fungible tokens (NFT)*? В какой степени необходимо распространить действие норм части четвертой ГК РФ на правоотношения, связанные с *NFT*?

– Вы знаете, этот вопрос для меня связан в основном с тем, что «цифра» в целом как одна из разновидностей информации имеет свойство тиражироваться, распространяться и объемы тиражирования не лимитируются, т.е. она распространяется как нечто, постоянно умножаемое, дублируемое, передаваемое, причем во многих случаях свободно, а право требует в ряде ситуаций фиксации определенного количества или объема конкретных объектов. Получается, что право в отношении разных цифровых объектов выступает в роли особого явления, которое эту дублированность и постоянное умножение ограничивает и превращает такие объекты в индивидуально-определенные. Я не говорю сейчас о вещах. Мы в праве фиксируем некий объем (количество). И хотя потенциально это может быть как угодно размножено, мы говорим: «Размножать нельзя». Есть очень узкое количество или единственный экземпляр. В этом и есть проблема *NFT*, потому что внутренне, исходя из свойств цифровой информации, они должны постоянно циркулировать и умножаться, но право такую возможность ограничивает.

Существует теория, которая связывает право, в том числе вещное, с ограниченностью ресурсов. В отношении «цифры» такая теория априори возникнуть не могла, потому что «цифра», информация как ресурс, неограниченна. Поэтому право производит искусственные ограничения. Отсюда идея *NFT*, а объекты интеллектуальной собственности в этом смысле на них похожи. Мы ведь тоже ограничиваем тиражирование соответствующих объектов без согласия правообладателя, но проблема в том, что многие объекты имеют такие свойства, которые не позволяют тиражировать их в том или ином виде, например «Мона Лиза». Она одна, второй такой нет

в принципе. Она имеет такие технические свойства, которые делают ее уникальным предметом, уникальной вещью, а перевод любого подобного объекта в «цифру» превращает его в многократно умножаемый, копируемый и тиражируемый объект. И сразу возникает вопрос коллизии, с одной стороны, в отношении того объекта, который является цифровым и искусственно признанным индивидуально определенным, с другой — в отношении фактически существующего уникального предмета. Это обстоятельство [обуславливает] конфликт в сфере интеллектуальной собственности. Выходит, цифровизация позволила свободно тиражировать ранее уникальные предметы.

Сразу же возникает вопрос: на каком основании происходит подобное тиражирование? Стоит отметить, что такой вопрос возникал и раньше, в отношении нецифрового копирования. Решался более-менее просто, но все равно возникал. И в конце концов был решен.

Из этой аналогии можно понять, почему токены рассматривались как конфликтный объект в сфере интеллектуальной собственности. Предположим, вы являетесь собственником чудесного музея, в котором в постоянной экспозиции представлена «Мона Лиза». Однако у другого лица есть цифровая копия «Моны Лизы». Разумеется, желание собственника музея обладать исключительной и уникальной цифровой копией своего шедевра представляется вполне закономерным. Следовательно, я не дам другому лицу такую уникальную цифровую копию.

Еще одной проблемой, связанной с обладанием *NFT*, является волатильность рынка *NFT*, которые не опираются на объекты интеллектуальной собственности. Предположим, Вы что-то сфотографировали, затем немного «разогнали» рынок, и кто-то купил *NFT*. А затем к покупателям приходит осознание того, что они купили. Ведь они могли также сфотографировать что-либо и облечь это в цифровую форму. Напротив, когда речь идет об объекте интеллектуальной собственности, право дает определенные гарантии, и Вы получаете своего рода бонус, доход. В свою очередь, за счет того, что некий объект стал ограниченным, он становится ценным. Но остался вопрос: нужно ли распространять действие норм части четвертой ГК РФ на отношения с *NFT*? Я думаю, что специальное распространение не требуется, однако выпуск *NFT* может сопровождаться нарушением норм части четвертой, и это обстоятельство предопределяет возможность привлечения нарушителя к ответственности, установленной в части четвертой ГК РФ.

– В одной из своих работ основоположник интернет-права Л. Лессиг в качестве источников интернет-права выделяет (1) позитивное право (*law in the naive positivist's view*); (2) социальные нормы (*social norms*); (3) законы рынка и конкуренции (*markets*); (4) технические нормы (*architecture*). Каково, на Ваш взгляд, значение позитивного права в цифровой среде? Возможно ли утверждать, что все большее значение в качестве источников права приобретают технические нормы? И не приведет ли это в будущем к абсолютной машинизации права?

– Мне кажется, что о нормах права можно говорить только в контексте позитивного права. Социальные нормы, скорее этика, могут быть в сети Интернет. Например, обмениваясь сообщениями, можно не ставить точку в конце — это обычай или нет? Обычай или нарушение правил пунктуации? Таких обычных норм довольно много, особенно в социальных сетях.

Социальные нормы могут со временем стать правовыми обычаями. Такой процесс не исключен, это развитие должно продолжаться.

В перечне говорится о законах рынка и конкуренции. По моему мнению, это к праву не имеет отношения. Что касается технических норм, здесь традиционно считают, что технические

нормы не являются нормами права. Инструкция по эксплуатации или по сборке вряд ли может рассматриваться как источник права, потому что она характеризует особенности предмета, но, к сожалению или к счастью, в Сети очень сильно перемешаны технические и социальные аспекты, и поэтому многие технические нормы по своей природе приобретают правовое значение. Скажем, есть идентификация и аутентификация, которые связаны с использованием разных технических приемов. Можно ли сказать, что эти правила не имеют к праву никакого отношения? Я так не думаю, потому что речь идет, по сути, о выявлении того, было ли волеизъявление или нет. Для ответа на этот вопрос техническими характеристиками не обойтись.

Еще один пример: технические правила автоматической фотофиксации. Если мы не признаем за ними нормативного свойства, то выходит, что оспаривать фотофиксацию нельзя. Между тем практика сегодня говорит об обратном: периодически подобную фотофиксацию люди оспаривают по разным основаниям — разумеется, это тяжело, и вероятность оспаривания очень низкая. Получается, что в отличие от обычной жизни связь технических и правовых норм применительно к сети Интернет более сильная, поэтому я не исключаю, что какие-то технические нормы будут иметь правовое значение.

– Что Вы думаете по поводу корпоративных норм, разрабатываемых интернет-гигантами, предположим, Facebook’ом, который создает некоторые правила, стандарты поведения в социальной сети? Это не создает некую, по сути, нормативную матрицу поведения для всех основных пользователей?

– Подобные нормы вряд ли являются официальными нормами, которые подлежат принудительному применению. Конечно, любая социальная сеть будет пытаться принудительно проводить их в жизнь, но ничто не препятствует их оспариванию. Просто до отмены очень трудно дойти, очень много препятствий, но я назвал бы эти правила локальными актами, провел бы аналогию между ними и локальными актами на предприятии, допустим, правилами внутреннего трудового распорядка, которые могут быть незаконными. Их можно оспаривать; если суд признает их незаконными, он отменит их. Аналогично и с правилами в социальных сетях.

Другой вопрос состоит в том, что степень распространения социальных сетей настолько увеличилась и в то же время действий в них совершается так много, что оспаривание все больше и больше теряет практический смысл. Пока вы дойдете до суда с конкретными соображениями, уже десять раз все поменяется внутри сети, а вы еще будете судиться в попытке добиться правды. И Вы, может быть, ее добьетесь, но это не даст Вам того удовлетворения, которое необходимо. Это особенность, я боюсь, социальных сетей; нормами права подобные правила не являются.

Что касается технических норм, то как раз механизация права будет распространяться прежде всего на технические нормы. Это рассуждение о том, что те нормы, которые ближе к инструкциям, будут механизированы в первую очередь; напротив, абстрактные нормы довольно тяжело механизировать. В качестве иллюстрации можно привести регулирование, установленное Налоговым кодексом [РФ], в котором не сформулированы абстрактные нормы. Вот такие более технические нормы и будут механизированы.

– Вы в известной публикации, посвященной этике в цифровой среде², делаете довольно неутешительный прогноз по поводу будущего разделения всего общества на две категории:

² Иванов, А. А. (2021). Цифровая этика и право. Закон, (4), 67–73.

цифровых адептов и цифровых отзовистов. Первые будут всячески разделять идеи цифровизации, а также активно пользоваться технологиями, тогда как вторые постараются от них отказаться. Как, по Вашему мнению, должна быть организована защита прав цифровых отзовистов? В чем это будет выражаться? Не приведет ли такая защита к социальному конфликту по причине усугубления социальной дифференциации, учитывая тот факт, что в современном обществе все меньше места для «аналоговой» деятельности?

– Одни люди просто ничего не хотят менять в своей жизни — это первая категория. Другие считают, что цифровизация ведет к созданию «цифрового концлагеря» и выступают принципиально против нее. Кто-то не принимает цифровизацию по религиозным соображениям. Причины отказа от цифровизации могут быть разными. В то же время очевидно, что для общества цифровизация влечет множество преимуществ: увеличение скорости отношений, экономии, удобство и др. Поэтому, разумеется, этот процесс не остановить.

Вопрос в том: как мы должны поступить с теми, кто не хочет цифровизации? По моему мнению, таким людям необходимо предоставить право на отказ от цифровизации, причем этот отказ должен быть реально обеспечен и быть необременительным.

Однако надлежит разработать систему стимулов для того, чтобы лицам было выгоднее принять цифровизацию. В противном случае мы не получим эффекта экономии.

Возможно помыслить себе такое решение указанной проблемы: в ситуациях, когда лицо выбирает отказ от цифровизации, на него должны возлагаться издержки, связанные с таким отказом. Тем не менее такой отказ не должен быть чрезмерно дорогим. В этом заключается задача государства: следить за тем, чтобы отказ был не слишком обременительным.

Если же право на отказ от цифровизации не будет обеспечено, боюсь, это приведет к цифровому луддизму³. Если мы будем игнорировать интересы «отзовистов», то сразу получим обвинения в «цифровом концлагере». С одной стороны, прогресс невозможно остановить, с другой — нельзя лишать фундаментальных прав.

– Последний вопрос связан с гражданско-правовым режимом цифровых прав и цифрового имущества. Дело в том, что в доктрине высказываются полярные точки зрения: от возможности распространения на них режима вещных прав до признания особыми объектами. Как, на Ваш взгляд, должен решаться этот вопрос?

– С консервативной точки зрения распространять режим вещных прав на цифровое имущество нельзя. В этом смысле кафедра гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова занимает консервативную позицию.

Другие коллеги менее категоричны. И рассуждают примерно следующим образом: если тот или иной объект именуется вещью, то из этого следует принципиальная возможность вещно-правовых способов защиты. То есть субъекты могут вернуть ту самую вещь, которую они по каким-то причинам утратили. Главное здесь — заинтересованность в получении этой же вещи. Поэтому если существует возможность удовлетворения этого интереса (вернуть ту самую вещь), проблем в определении правовой природы не возникает. Напротив, если интерес в возврате того же имущества не удовлетворяется, а, к примеру, предлагается требовать возмещения убытков, то речь о вещно-правовом характере вести нельзя.

³ Луддизм — борьба с достижениями инновационных технологий, против машин.

Как мне кажется, в отношении цифрового имущества нужно обеспечивать те же гарантии, которые существуют в сфере вещных прав. Строго говоря, давайте их возвращать в том же виде, в котором они были. Для этого можно определенным образом перенастроить соответствующие иски: не возратить стоимость объекта (нынешнюю или прошлую), а о заменить его другим объектом за счёт ответчика. Ведь такая попытка применительно к корпоративным правам, к акциям предпринималась — иски о восстановлении корпоративного контроля. Сейчас про них забыли. Но проблема никуда не делась. Я думаю, что восстановление цифрового контроля — то, что позволит избежать дискуссии о цифровом имуществе как вещи или не вещи? Надо просто защищать его так же сильно, как и вещи.

Для цифровых объектов нужно обеспечить надлежащие способы защиты, которые позволяют вернуть в точности то, что было утрачено. Вот тогда не будет проблем. Увы, иск об убытках не решает эту проблему.

Что касается природы цифровых прав, вопрос должен быть перенесен из плоскости деления прав на вещные и обязательственные в плоскость градации от абсолютных к относительным. Отмечу, что речь не идет о жёсткой дихотомии «абсолютное или относительное». Я не так давно об этом рассуждал на примере приобретения фильмов и музыки в приложении *Apple*⁴: есть множество «оттенков серого» в градации от абсолютных до относительных прав. И задача состоит в том, чтобы определить место цифровых прав на этой палитре.

Ведь крупные компании, продающие цифровые продукты, стремятся смешать два ощущения у потребителя: ощущение уверенности, когда ты приобретаешь вещь навсегда, и ощущение неуверенности, когда ты приобретаешь неопределенный объект на короткое время. Разумеется, в первом случае с обывательской точки зрения вы приобретаете что-то надежное, а во втором — нечто менее привлекательное. Выходит, все компании играют на этом внутреннем противоречии, вводя в заблуждение потребителей. Можно попытаться применить к этим отношениям Закон РФ «О защите прав потребителей», однако мне кажется, что необходимо разработать некое общегражданское регулирование.

Сведения об авторе:

Иванов А. А. — кандидат юридических наук, доцент, ординарный профессор, научный руководитель факультета права департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

kkazankov@hse.ru

---

⁴ Иванов, А. А. (2018). *Много оттенков серого: абсолютные и относительные права (цифровая практика и немного теории)*. Закон.ru. https://zakon.ru/blog/2018/8/31/mnogo_ottenkov_serogo_absolyutnye_i_otnositelnye_pravacifrovaya_praktika_i_nemnogo_teorii

Editorial

Today, the legal community no longer doubts that digitalization is a factor that will invariably determine the agenda of legislators, courts, and scholars. Even 'digital' skeptics have to reckon with this. The editorial department of the Digital Law Journal discusses the politics of civil law (and not only) with Anton Aleksandrovich Ivanov.

Anton A. Ivanov — Distinguished Lawyer of the Russian Federation, awarded the Order of Merit for the Fatherland (III degree), retired Chairman of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, tenured professor, academic supervisor, member of the Academic Council of the Higher School of Economics. From 1991 to 1995, he worked as the lead editor for the *Jurisprudence* journal. Between 1999 and 2003, he held the position of Associate Professor in the Department of Civil Law at St. Petersburg State University. From 2004 until his election as Chairman of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation in January of 2005, he was in charge of corporate modelling and law issues as First Deputy General Director of Gazprom-Media.

INTERVIEW

ARS BONI ET AEQUI IN THE DIGITAL AGE

Anton A. Ivanov

Higher School of Economics (HSE University)
3, Bolshoy Trekhsvyatitelskiy Pereulok, Moscow, Russia, 109028

Keywords

Digital Law, Internet Law, NFT, digitalization, computation of law

For citation

Ivanov, A. A. (2022). *Ars boni et aequi* in the Digital Age. *Digital Law Journal*, 4(1), 12–27. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-1-12-27>

– Professor Ivanov, in your opinion, what areas of research in the field of digital law are the most promising today?

– I first went online in 1995. Since then, I have seen the different stages of development of the digital environment. I think we can start with the most general questions. Some time ago, there was discussion in the literature about the coming of the *Web 3.0* Age⁵, but now it is possible to have discussions about the *Web 4.0* Age. Of course, law is not the flagship of the development in this area, but only follows the corresponding changes.

The era of *Web 3.0* implies the existence of property relations on the Web, which are to become automated through blockchain technology. However, the desired automation was not achieved. No matter how we understand blockchain technology, network automation is one thing, and factual property relations is another. They are somewhat divided into two parts. On the one hand, there is a digital environment in which everything happens quite quickly, where contracts are concluded and performed, but on the other, these phenomena do not affect the main parameters of property relations. This is a kind of game outside of ordinary life. As soon as attempts are made to actually transfer property relations to a digital format, both the government and large private companies are opposed.

Take, for example, the evolution of cryptocurrencies in foreign countries. In the United States, one digital currency is banned, then another. It is quite difficult to identify any logic in such prohibitions since what is allowed is no less risky than what was prohibited. And, probably, the government here operates according to the principle: “He may be a bastard, but he’s our bastard.”

In Russia, it seems to me that the government generally views cryptocurrency as a hostile element. We completely ignore the transfer of property relations into a special, virtual environment because it cannot be controlled. This, in turn, encourages entities to leave the Russian market. So, it turns out

⁵ A web-centric vision articulated by Netscape.com CEO Jason Calacanis as a continuation of Tim O'Reilly's *Web 2.0* vision. Its essence is that *Web 2.0* (which, in turn, is a rethinking of *Web 1.0*) implies user-oriented Internet, and *Web 3.0* will provide understanding of data by computer algorithms and interactions between them.

that the people are physically located in our country, but the business is carried out abroad. This gap has not yet been bridged. *One of the promising areas is precisely the comprehension of the transfer of property relations to the digital environment.*

I would like to note that the changes that were made to the Civil Code of the Russian Federation [Art. 141.1] did not make any impression on me. In my opinion, they are of a passing nature and will not provide anything lasting.

At the same time, the government seeks to transfer many of its functions to the digital environment. Moreover, this desire is directly proportional to whether it is possible to restrict specific individuals' freedom of choice. In other words, if such freedom can be limited, then this is a great option for digitalization. On the other hand, if there is a possibility of choice as a result of digitalization, then the government loses interest. Therefore, registries are currently being converted to digital formats. But as I've already noted, the goal of these processes is to limit the freedom of choice of subjects. Therefore, *the second promising direction is the study of government functions in the digital environment.*

The third aspect is *the problem of the segmentation of the World Wide Web*, as different countries have recently been trying to divide it into separate pieces. Nevertheless, it is clear that it can only develop effectively as a single network. In addition to reducing the technical capabilities of specific countries, the division into national segments slows down the development of the Web as a whole. Suppose various measures are taken to nationalize the Internet. This would lead to a decrease in speed and lack of access to some new types of hardware and software. It seems to me that the problem of World Wide Web segmentation also requires an understanding of the science involved.

– In your opinion, is the role of the government changing in the digital age? Does the new information revolution mean a transition to a 'laissez faire' ideology or should we expect the establishment of total state control?

– The fact is, there are different methods of public administration. One is to give maximum freedom to individual entities. These, in turn, develop rapidly and some begin to dominate. It isn't necessary to restrict these because, having acquired a dominant position and belonging to a particular jurisdiction in one way or another, they do not disappear anywhere and, on the contrary, only strengthen the dominance of the government. I mean, of course, the American method.

There is another method employed by Western European countries, which, on the contrary, limits the development of Internet giants, mainly American ones. The concept of human rights is employed for these purposes: "it is necessary to protect personal data, the right to privacy," etc.

It is also worth noting the Chinese version of net regulation. It seems that China has managed to create Internet giants, but only in its own market, which is closed. The only exception is, perhaps, TikTok. And look at the obstacles TikTok has met when promoting it in the US market!

It seems to me that Russia is following the Chinese model, since we also have Internet giants whose activities are mainly focused on the national market.

As long as nation-states persist, there will continue to be different approaches to managing the Web. The question is, will it be possible to ensure the growth of the digital sector under such conditions? I have no confidence in this. I think that a state of uncertainty will prevail for quite some time.

In my opinion, a radical transformation will occur through the creation of an instant universal translator that will completely overcome language barriers. At the moment, there is no such translator, but there are prospects for its appearance, especially with progress in developing artificial intelligence. Imagine a situation where each of us can communicate with any other person with no difficulty. It will be a new reality that will come very soon. This is where I see the *Web 4.0* era. After all, thoughts, ideas, and opinions will begin to circulate freely among all people. In this case, what will the nation-states do that build their policy on the language barrier to some extent? Education will also change: why learn foreign languages if you can be well translated? In general, many questions remain whose answers will need to be found in the near future.

– In your opinion, how do the legal regimes for traditional types of intellectual property and non-fungible tokens (NFT) correlate? To what extent is it necessary to extend the application of part four of Russia's Civil Code to legal relations related to NFTs?

– You know, for me, this question is mainly connected with the fact that ‘digits’, as a type of information, tend to be replicated, distributed, and the amount of replication is not limited, i.e. it is distributed as something that is constantly multiplied, duplicated, transmitted, in many cases freely, while the law requires the fixation of a certain number or volume of specific objects in a number of situations. It turns out that the law concerning various digital objects acts as a special limit on this duplication and constant multiplication, turning such objects into individually defined ones. I’m not talking about property now. We assign a certain quantity to them in law. And although it can potentially be multiplied in any way, we say: “You can’t multiply.” There can only be a fixed number of copies or a single original. This is the problem with NFTs because, based on the nature of digital information, they must constantly circulate and multiply, but the law limits this possibility.

There is a theory that links law, including property law, with limited resources. With regard to the ‘digit’, such a theory, a priori, could not have arisen because the ‘digit’, information as a resource, is unlimited. Therefore, the law produces artificial restrictions. Hence, NFTs and intellectual property are similar in this sense. After all, we also restrict the replication of intellectual property without the consent of the copyright holder, but the problem is that many objects have properties that do not allow them to be replicated in one form or another, for example, the Mona Lisa. It is unique, there is none other like it. Its technical properties make it a unique object, a unique thing, but the conversion of any such object into a ‘digit’ turns it into a manifold multiplied, copied, and replicated object. And the question of conflict immediately arises: on the one hand, in relation to an object that is digital and artificially recognized as individually defined, and on the other, in relation to the actually existing unique object. This circumstance causes a conflict in the field of intellectual property. It turns out that digitalization has made it possible to freely replicate previously unique items.

The question immediately arises: on what basis does such replication take place? It is worth noting that this question has arisen before, in relation to non-digital copying. It was solved more or less simply, but it still arose. And in the end, it was resolved.

From this analogy, one can understand why tokens were considered a controversial object in the field of intellectual property. Suppose you are the owner of a wonderful museum that has the Mona Lisa on permanent display. However, another person has a digital copy of the Mona Lisa. Of

course, as the owner of the museum, you want to have an exclusive and unique digital copy of his masterpiece that seems to be quite natural. Therefore, you won't give a unique digital copy like this to another person.

Another problem associated with owning NFTs is the volatility of the NFT market, which is not based on intellectual property. Let's say you take a picture of something and put it on the market, and someone buys an NFT of it. And then the buyer realizes what they've bought. After all, they could also photograph something and clothe it in digital form. On the contrary, when it comes to intellectual property, the right gives certain guarantees, and you get a kind of bonus: income. In turn, due to the fact that a certain object has become scarce, it becomes valuable. But the question remains: is it necessary to extend the application of the norms of part four of the Civil Code of the Russian Federation to relations with NFTs? I don't think a special extension is required. However, in certain cases, releasing an NFT may involve a violation of the rules of part four, and this circumstance entails the possibility of holding the violator liable, as established in part four of the Civil Code of the Russian Federation.

– In one of his works, the founder of Internet law, L. Lessig, determines the following sources of Internet law: (1) law in the naive positivist's view, (2) social norms, (3) markets, and (4) architecture (technical rules). What do you think is the importance of positive law in the digital environment? Is it possible to argue that technical rules are becoming increasingly important as sources of law? Won't this lead to the absolute mechanization of law in the future?

– It seems to me that one can speak about the rules of law only in the context of positive law. Social rules, or rather, ethics, can exist on the Internet. For example, when exchanging messages, you can't put a period at the end – is this a custom? There are quite a lot of such customary rules, especially in social networks.

Social norms can eventually become legal customs. Such a process is not ruled out; this development should continue.

The list refers to the laws of the market and competition. In my opinion, this has nothing to do with the law. With regard to technical rules, it is traditionally believed here that technical rules are not legal rules. Instructions for use or assembly can hardly be considered a source of law because they characterize the features of an object, but, fortunately or unfortunately, technical and social aspects are all mixed together on the Web, and therefore many technical rules acquire legal significance by nature. Let's say there's an identification and authentication process that is associated with the use of different technical procedures. Can we say that these rules have nothing to do with law? I don't think so, because this is, in fact, about identifying whether there was an expression of will or not. To answer this question, technical characteristics cannot be dispensed with.

Another example: the technical rules for automated license plate recognition. If we do not recognize their normative properties, then it turns out that it is impossible to challenge a traffic violation based on automated license plate recognition. Meanwhile, practice today suggests the opposite: from time-to-time people, dispute such violations for various reasons. Of course, this is difficult, and the likelihood of success is very low. It turns out that, unlike in ordinary life, the connection between technical and legal rules on the Internet is stronger, so I do not exclude that some technical rules will gain legal significance.

– What do you think about the corporate rules developed by Internet giants, let's say Facebook, which creates rules and standards of behavior for its social networks? Doesn't this, in fact, create some kind of normative matrix of behavior for all major users?

– Such rules are hardly official norms subject to enforcement. Of course, any social network will try to enforce them, but there is nothing to stop them from being challenged. It's just that it's very difficult to get to them abolished. There are a lot of obstacles, but I would call these rules local acts. I would draw an analogy between them and local acts at a company, for example, internal labor regulations, which may be illegal. They can be contested: if the court finds them illegal, it will abolish them. The same goes for social media rules.

Another issue is that, the degree of distribution of social media has increased so much and, at the same time, so many actions take place, challenging these rules makes less and less practical sense. By the time you reach the court with specific considerations, everything has already changed within the network ten times, and you will still be suing in an attempt to achieve the truth. And you may achieve that, but it will not give you the satisfaction you need. This is a feature of social networks, I'm afraid: such rules are not legal rules.

As for technical rules, the mechanization of law will extend primarily to them. The reasoning is that rules that are closer to instructions will be mechanized first, while abstract rules are rather difficult to mechanize.

As an illustration, we can cite the regulation established by the Tax Code of the Russian Federation, which does not formulate abstract rules. These are the more technical rules that will be mechanized.

– In a well-known publication on ethics in the digital environment⁶, you make a rather disappointing forecast about the future division of society into two categories: digital adepts and digital objectors. The former will share the ideas of digitalization in every possible way, as well as actively use technologies, while the latter will try to abandon them. How, in your opinion, should the protection of digital objectors' rights be organized? How should it be expressed? Won't such protection lead to social conflict due to the exacerbation of social divisions, given the fact that there is less and less room for 'analogue' activities in modern society?

– Some people simply don't want to change anything in their lives — this is the first category. Others believe that digitalization leads to the creation of a 'digital concentration camp' and oppose it on principle. Some people won't accept digitalization for religious reasons. The reasons for refusing to digitize can vary. At the same time, it is obvious that digitalization brings many benefits to society: an increase in the speed of relations, savings, convenience, etc. Therefore, of course, this process cannot be stopped.

The question is, what should we do with those who do not want digitalization? In my opinion, such people should be given the right to refuse digitalization, and this refusal should be realistically ensured and not burdensome.

However, a system of incentives should be developed to make it more profitable for individuals to accept digitalization. Otherwise, we will not get the savings effect. It is possible to think of such a solution to this problem: in situations where people choose to refuse digitalization, they should bear the costs associated with this refusal. However, this should not be

⁶ Ivanov, A. A. (2021). Tsifrovaya etika i pravo [Digital ethics and law]. Zakon [The Law], (4), 67–73.

prohibitively expensive. This is the task of the government – to ensure that refusing is not too burdensome.

If the right to opt out of digitalization is not secured, I'm afraid this will lead to digital luddism⁷. If we ignore the interests of the 'objectors', we will immediately receive accusations that we are creating a 'digital concentration camp'. On the one hand, progress cannot be stopped, on the other, fundamental rights cannot be infringed upon.

– The last question is related to the civil law regime pertaining to digital rights. The fact is that the doctrine expresses polar opposite points of view: from the possibility of extending the regime of property rights to digital property to recognizing digital property as a special object. In your opinion, how should this issue be resolved?

– From a conservative point of view, it is impossible to extend the regime of property rights concerning real objects to digital property. In this sense, the Department of Civil Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University takes a conservative position.

Other colleagues are less categorical. And they argue approximately as follows: if this or that object is called a 'thing', then this implies the fundamental possibility of proprietary legal remedies. That is, the very thing that someone has lost for some reason can be returned. The main thing here is the interest in getting the same thing back. Therefore, if it is possible to satisfy this interest (to return the very thing), there are no problems in determining the legal nature of the object. On the other hand, if the interest in having the same property returned is not satisfied, and, for example, it is proposed that compensation be made for damages, then it is impossible to speak of a proprietary nature.

It seems to me that with regard to digital property, it is necessary to provide the same guarantees that exist with respect to property rights. Strictly speaking, let's return them in the same form in which they were. To do this, you can reconfigure the corresponding claims in a certain way: not to return the value of the object (current or past), but to replace it with another object at the expense of the defendant. After all, such an attempt has been made with corporate rights related to shares – claims for the restoration of corporate control. Now such remedies are forgotten. But the problem hasn't gone away. I think that the *restoration of digital control* is what will make it possible to avoid discussions about digital property as things or non-things. You just need to protect it as much as you protect things.

For digital objects, you need to provide proper protections that allow you to return exactly what was lost. Then there will be no problems. Alas, claims for damages will not solve this problem.

As for the nature of digital rights, the question should be moved from the division of rights into property and contractual rights to a scale from absolute to relative. I would like to note that we are not talking about a rigid dichotomy of 'absolute or relative' rights. I talked about this not so long ago using the example of purchasing movies and music in the Apple application: there are many 'shades of gray' between absolute and relative rights. And the task is to determine the place of digital rights in this spectrum.

After all, large companies that sell digital products tend to mix two consumer experiences: a feeling of certainty when you buy a thing permanently, and a feeling of uncertainty when you buy

⁷ Luddism is a struggle against the achievements of innovative technologies, against machines.

an indefinite object for a short time. Of course, in the first case, from a philistine point of view, you get something reliable, and in the second, something less attractive. It turns out that all companies play on this internal contradiction, thus misleading consumers. One can try to apply the Law of the Russian Federation “On the Protection of Consumer Rights” to these relations, but it seems to me that it is necessary to develop some kind of general civil regulation.

Information about the author:

Anton A. Ivanov — PhD in Law, Associate Professor, Tenured Professor, Academic Supervisor, Faculty of Law, HSE University, Moscow, Russia.

kkazankov@hse.ru